

Проблемы будущей Россіи

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.

1. Диктатура *).

Вся проблематичность конструкции власти въ будущей Россіи вытекаетъ изъ неясности ликвидационныхъ процессовъ революціи. Та сила, которая сыграетъ наиболѣе активную роль въ сверженіи коммунистической диктатуры, несомнѣнно, сохранитъ надолго руководящее значеніе въ судьбахъ страны. Выйдутъ ли ликвидаторы изъ нѣдръ самой партіи, проведя «спускъ на тормозахъ» и сохранивъ символику Октября? Закончится ли дѣло всероссійскимъ погромомъ большевиковъ и попутчиковъ? Вмѣшаются ли международныя силы, а черезъ ихъ голову — въ случаѣ войны — бѣлая эмиграція? Всѣ эти различныя рѣшенія кризиса до извѣстной степени предопредѣляютъ различныя системы по-революціонной власти. Впрочемъ, не единообразно и не длительно. Партиійная диктатура перерождается въ личную, установленная для Европы демократическая монархія, весьма вѣроятно, переродится въ абсолютизмъ.

За хаосомъ бури историческая интуиція можетъ прозрѣвать формы наиболѣе устойчивыя и наиболѣе соответствующія народному сознанію сегодняшняго дня. Интуиція, конечно, обманываетъ. Въ прорѣхи рвущейся соціальной ткани глядится собственная политическая воля, не очищенная отъ страстей. Это неизбѣжно. Но горькій опытъ разбитыхъ иллюзій, но страданія родины требуютъ самоотреченія. Тамъ, гдѣ разуму ясенъ голосъ необходимости, предъ нимъ склоняется мечта. Для тѣхъ, кто не можетъ

*) Редакція, оговаривая свое несогласіе съ Г. Федотовымъ по вопросу о диктатурѣ, предполагаетъ вернуться къ этой темѣ въ ближайшей книжкѣ. **Ред.**

привести свою совѣсть въ согласіе съ необходимостью, долгъ требуетъ отказа отъ политической борьбы.

Наиболѣе общей чертой въ нашихъ гаданіяхъ о будущемъ является предпосылка неизбѣжности диктатуры. Одни желали бы увѣковѣчить эту форму, видя въ ней послѣднее слово политической мудрости. Другіе стремятся свести ее къ *minimum* во времени и функціяхъ. На чемъ основана эта общая, нерѣдко молчаливая предпосылка?

Было время, когда идея диктатуры вызывалась призракомъ — или реальностью — анархіи. Пока народъ праздновалъ свою «дикую волю», казалось, нужна была желѣзная рука, чтобы ввести въ берега его половодье. Но эта рука нашлась не тамъ, гдѣ ее ждали. Ленинъ былъ злымъ смирителемъ народной воли. Съ тѣхъ поръ народъ показываетъ такую степень покорности, которая приводитъ въ отчаяніе всѣхъ друзей порядка. Конечно, анархія еще возможна — въ случаѣ насильственной развязки. Но не на ней строятся расчеты диктатуры. Они строятся теперь именно на этой безграничной покорности народа.

За 13 лѣтъ народъ явилъ разительныя доказательства безсилія защищать свою волю и свое право. Онъ не пошевелилъ пальцемъ, чтобы защитить избранное имъ Учредительное Собраніе. 13 лѣтъ онъ пассивно смотритъ, какъ воля его фальсифицируется въ избирательной системѣ Совѣтовъ, позволяя говорить отъ своего имени продажнымъ или враждебнымъ ему отщепенцамъ. Онъ живетъ въ режимѣ неслыханнаго террора, едва ли сознавая исключительность этого положенія. Онъ даетъ энергичному меньшинству мять себя, какъ глину, вить изъ себя веревки.

Эта пассивность массъ не можетъ не искушать людей, одаренныхъ волей къ власти и лишенныхъ правового сознанія. Она дѣлаетъ диктатуру неизбѣжной. Значитъ ли это, что она ее оправдываетъ? До извѣстной степени, дѣ. Если власть не можетъ опираться въ своей самозащитѣ на правовое чувство націи, она вынуждена опереться на силу. Иначе она будетъ сметена первымъ же авантюристомъ, достаточно безсовѣстнымъ, чтобы поставить свою похоть выше права. Другими словами, въ этомъ случаѣ почти стирается различіе въ методахъ управленія между властью легальной и властью тиранической, и ея социальная природа выразится именно въ методахъ управленія, а

не въ правовыхъ фикціяхъ. И демократія*) сейчасъ въ Россіи возможна лишь съ методами диктатуры.

Диктатура въ Россіи вызывается тѣми же причинами, которыя дѣлали необходимымъ въ теченіе столѣтій самодержавіе. Революція измѣнила здѣсь многое, но измѣнила недостаточно. Интеллектуальному росту народнаго сознанія не соотвѣтствуетъ уровень общественно-моральнаго воспитанія. Здѣсь большевики оказываются воспитателями и развратителями одновременно. Искушая призывомъ къ общественности, провоцируя социальную активность, они убиваютъ ее въ создаваемой ими атмосферѣ предательства, трусости, шкурничества. Поколѣніе, 13 лѣтъ пресмыкающееся передъ Че-Ка, никогда не будетъ свободнымъ. Свобода можетъ быть лишь надеждой его дѣтей.

Быть можетъ, въ царской Россіи массы представляли еще болѣе удобную почву для деспотизма. Но въ царской Россіи была вліятельная прослойка интеллигенціи, которая держала въ своихъ рукахъ прессу, самоуправленіе, общественное мнѣніе; держала подъ угрозой саму власть. И эта интеллигенція была одушевлена почти религіознымъ пафосомъ свободы. Въ новой Россіи классъ полунинтеллигенціи сталъ болѣе многочисленнымъ и еще болѣе вліятельнымъ. Но онъ пересталъ понимать, что такое свобода. Самое страшное, что произошло въ Россіи — это не истребленіе милліоновъ жизней и огромныхъ матеріальныхъ цѣнностей, — это вытравленіе чувства свободы. Отъ Радищева до Керенскаго три или четыре поколѣнія политической борьбы — все пошло на смарку. Мы вернулись, политически, — въ обстановку 17 вѣка. Что болѣе всего поражаетъ насъ въ молодежи, приѣзжающей изъ Россіи? Ея неспособность цѣнить свободу. Съ недоумѣніемъ или презрѣніемъ смотритъ она на европейскія правительства, которыя, вмѣсто того, чтобы душить по тюрьмамъ своихъ враговъ, предоставляютъ къ ихъ услугамъ газеты, улицу, партійныя организаціи. О чемъ мечтаетъ она, ненавидя большевиковъ? О томъ, чтобы замѣнить ихъ болѣе пригодными людьми, марксизмъ — научной филосо-

*) Въ виду многозначности слова «демократія» приходится употреблять его въ трехъ смыслахъ: 1) существующаго въ Европѣ парламентарно-демократическаго режима; 2) свободнаго, правового государства; 3) народовластія вообще, во всемъ разнообразіи его историческихъ формъ.

фіей или истинной религіей. Свобода и для враговъ кажется ей безсмыслицей. Но эта молодежь, ея идеалы — будущее Россіи. У свободы въ Россіи, внѣ малаго круга старой интеллигенціи, нѣтъ никакихъ защитниковъ.

Есть одинъ — въ сущности только одинъ — фактъ, который причинную необходимость диктатуры можетъ превратить въ необходимость цѣлесообразную. Это спутанный узелъ національныхъ проблемъ. Русскому народу придется еще многіе годы вести отчаянную борьбу за сохраненіе единства Россіи. Въ этой борьбѣ побѣда возможна лишь при сохраненіи внутренняго единства націи. Вотъ почему Россія не можетъ въ ближайшіе годы позволить себѣ роскошь свободной политической борьбы, которая, на ея еще горячей почвѣ, всегда рискуетъ превратиться въ междоусобіе.

Итакъ, диктатура. Это значить, что власть въ Россіи будетъ принадлежать лицу или группѣ лицъ, которая будутъ править сю фактически независимо отъ выраженной народной воли (хотя учитывая ея и, можетъ быть, даже облекаясь въ ея легальныя формы). Это лицо или лица будутъ указаны самимъ исходомъ борьбы за власть, устраивающимъ всѣхъ побѣжденныхъ конкурентовъ. Они не могутъ быть предугазаны, избраны, предложены странѣ. Здѣсь почти все принадлежитъ историческому счастью, року или Провидѣнію. Какъ монархія ставитъ судьбу государства въ зависимость отъ случайностей рожденія или наслѣдственности въ предѣлахъ одного рода, такъ революція ставитъ народъ передъ случайностью геніальныхъ или бездарныхъ вождей, отъ которыхъ зависитъ его судьба.

По своей структурѣ диктатура можетъ быть единоличной, партійной или монархической. Оставляя вопросъ о монархіи до слѣдующей главы, рассмотримъ диктатуру партійную.

Если подъ ней разумѣть диктатуру коммунистической партіи, то продолженіе ея въ Россіи, и при измѣнившихся социальныхъ тенденціяхъ, вполне возможно. Это будетъ, впрочемъ, уже псевдо-коммунистическая партія, для которой ея выпяченные лозунги будутъ становиться все большей помѣхой. Долженъ настать день, когда они будутъ, наконецъ, убраны, и маскарадъ окончится. Но еще задолго до этого момента партійная диктатура превратится въ единоличную. Можетъ быть, этотъ моментъ уже на-

ступилъ въ Россіи. Все показываетъ, что партія уже износилась, какъ самостоятельная политическая форма, хотя функционируетъ, какъ политическій аппаратъ.

Но сейчасъ рѣчь идетъ о другой возможности: о новой партіи, о національной партіи, которая смѣнитъ коммунистовъ, сохранивъ ихъ политическую систему. Это проектъ русскаго фашизма, съ наибольшей яркостью выдвинутый евразійствомъ.

Фашистскій проектъ намъ представляется наиболѣе утопическимъ и наиболѣе вреднымъ вариантомъ русской диктатуры. Всюду, гдѣ удается фашизмъ, онъ побѣждаетъ, какъ революція, несущая бурную пѣну радикальныхъ и реакціонныхъ страстей. Огромное народное волненіе, потребность коренной ломки являются предпосылками фашизма. У него съ коммунизмомъ слишкомъ много общихъ корней. Въ фашизмѣ, въ его организаціяхъ молодежи, изживаетъ себя та же самая буйная, тираническая активность, что и въ русскомъ комсомолѣ. Возможно ли раздуть догорающій пепелъ революціи въ новый пожаръ? Ввергнуть въ новую революцію страну, едва живую отъ тринадцатилѣтней революціонной горячки? Это противорѣчило бы всѣмъ предпосылкамъ народной психологіи. Не только масса, но и активное меньшинство уже выдыхается, уже проситъ покоя, тянется къ личной жизни. Оно можетъ поддерживать деспотическую власть, но не власть революціонную, безъ передышки играющую на нервахъ. Не власть идеологовъ. Довольно политграмоты, довольно агитпросвѣтовъ. Для Россіи сейчасъ это кушаніе столь же питательно, какъ касторовое масло. Но для нея сейчасъ оно было бы и самымъ вреднымъ политическимъ блюдомъ. Власть идеологовъ означала бы новое удушеніе русскаго творчества. Клинь не всегда вышибается клиномъ, и послѣ марксистскаго отравленія отравя евразійская или иная, въ лошадиныхъ дозахъ, въ государственномъ масштабѣ, могла бы просто прикончить русскую культуру. Совершенно безотносительно къ % содержащейся въ ней истины, если бы даже этотъ % былъ доступенъ вычисленію. Самый фактъ огосударствленія мысли, науки, искусства означаетъ ихъ медленную смерть — поскольку рѣчь идетъ о высшихъ видахъ творчества, а не о декоративныхъ или утилитарныхъ его разновидностяхъ.

Но и единоличная диктатура можетъ имѣть самое различное политическое и социальное содержаніе. Ея социаль-

ное содержаніе довольно однозначно опредѣляется самыми противоположными теченіями современной Россіи. Но ея политическое лицо? Станетъ ли она мостомъ къ монархіи или къ демократіи, или же будетъ стремиться увѣковѣчить себя, какъ политическую форму?

Благо Россіи — какъ мы его понимаемъ — въ томъ, чтобы грядущая диктатура имѣла демократическое содержаніе. Это значитъ, поставила бы своей цѣлью привести народъ къ демократіи. Будетъ ли она дѣйствовать съ соблюденіемъ демократической легальности, не важно. Это, можетъ быть, и нежелательно, ибо легальность покупается цѣною лицемѣрнаго извращенія института. Лучше не устраивать выборовъ, чѣмъ подтасовывать ихъ, лучше не имѣть парламента, чѣмъ имѣть подкупленный парламентъ. Демократическій характеръ диктатуры въ томъ, что ея цѣль (какъ римской легальной диктатуры) — сдѣлать себя ненужной. Она должна готовиться къ будущему, когда сможетъ передать власть народу. Но горе ей, если она швырнетъ эту власть въ пространство, и не найдется рукъ, способныхъ ее принять. Это значитъ, власть достанется новому диктатору, достаточно жадному до нея или нафанатизированному идеей, который не отдастъ ея никому добровольно. Тогда изживаніе диктатуры потребуетъ новой революціи.

2. Монархія или республика?

Съ извѣстной точки зрѣнія, мы будемъ правы, утверждая, что этотъ вопросъ для современной Россіи лишень актуальности. Принципіально онъ интересуеть лишь немногихъ доктринеровъ — или рыцарей идеи. Въ котлѣ революціи перекипѣли вѣковыя политическія страсти. Современное поколѣніе въ Россіи приметъ всякую власть, которая обезпечитъ ей минимумъ свободы — не политической, а гражданской: бытовой, хозяйственной, культурной. Если бы чудомъ Россіи свалилась съ неба монархія, обезпечившая ей этотъ минимумъ, она, вѣроятно, не встрѣтила бы сопротивленія. Честные люди всѣхъ отгѣнковъ политической мысли объединились бы съ ней для сотрудничества въ общемъ національномъ дѣлѣ. Продолжая разсуждать теоретически, можно указать даже на нѣкоторыя преимущества, связанные съ монархической формой именно для по-революціонной Россіи.

Прежде всего, монархія обогчила бы, безспорно, труднѣйшую задачу построения Россійскаго Союза. Народы менѣе подозрительно относятся къ чужеземной династїи, чѣмъ къ гегемонїи чужого народа. Самолюбія окраинныхъ патріотовъ, которые оскорбляются зависимостью отъ Петербурга или Москвы, могли бы скорѣе примириться съ великимъ княземъ Кіевскимъ или ханомъ Азербейджанскимъ. Сама династїя, въ личныхъ интересахъ, могла бы легче освободиться отъ ограниченнаго шовинизма господствующей народности, чѣмъ демократическіе политики, вышедшіе изъ среды этой народности. Династїя всегда менѣе національна, чѣмъ народъ. Династїи новой Европы, вообще, отличаются большой долей космополитизма. Габсбургамъ было легче понять національныя требованія эпохи, чѣмъ нѣмецкимъ націоналистамъ Вѣны или Тироля.

Другое преимущество монархїи для Россїи заключалось бы въ ея возможной культурной роли: центра кристаллизаціи культурнаго меньшинства. Въ томъ демократическомъ разливѣ, который грозитъ затопить въ Россїи всѣ культурныя высоты, независимая монархїя могла бы сдѣлаться спасительнымъ островкомъ не только для родовой, но и для духовной аристократїи. Многія формы культуры были бы спасены, какъ формы роскоши, необходимой для монархическаго престижа. Возникшіе изъ придворныхъ потребностей Эрмитажъ и балетъ вновь укрылись бы при дворѣ отъ угрожающаго духа времени. У дворцоваго вѣдомства могли бы найтись деньги не только на содержаніе конюшенъ, но и на пенсіи для поэтовъ.

Но все это мечты — во вкусѣ 18 вѣка. Въ Россїи 20-го они неизбежно обернутся вредной или комической утопїей. Это станетъ яснымъ, если мы будемъ разсматривать не монархїю, какъ абстрактную форму, а народъ, какъ носителя монархическаго сознанія, и династїю, воплощающую монархическій принципъ.

Быстрое и почти безслѣдное исчезновеніе монархической идеи является однимъ изъ самыхъ разительныхъ фактовъ революціи. Россїя не имѣла своей Вандеи. Ни одно изъ анти-большевистскихъ движеній, возглавляемыхъ монархистами, не рѣшилось поднять открыто монархическаго знамени. Даже обычныя въ первые годы, нелестныя для революціи сравненія николаевской свинины съ ленинской коникой окончатально замозкли со времени нэпа. О монархїи просто забыли, она оказалась никому не нужной, ея

идея совершенно пустой. Въ Россіи есть еще, конечно, не-многіе монархисты по убѣжденіямъ, но почти никто изъ нихъ не сохранилъ вѣры въ близкое торжество своихъ идей. Даже церковь поспѣшила отмежеваться отъ монархій, съ которой была связана тысячелѣтіями. Но монархія не можетъ жить безъ монархическаго сознанія. Въ этомъ ея коренное отличіе отъ республики, которая возможна и безъ республиканцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, власть одного человѣка или одной семьи надъ народомъ настолько противорѣчитъ современному рациональному понятію о государствѣ и вѣстѣ съ тѣмъ природѣ власти, какъ реальной силы что можетъ питаться только мистическимъ чувствомъ или глубокимъ уваженіемъ къ традиціи. Современныя монархія легко гибнуть, но съ трудомъ строятся. Ихъ шаткія постройки держатся уже не на вывѣтрившейся мистикѣ, а на расчетѣ политиковъ, эксплуатирующихъ еще не утраченный фондъ традиціи.

Современная Россія — страна воинствующихъ рационалистовъ или безбожниковъ. Традиціи сметены въ ней такъ радикально, какъ, можетъ быть, еще ни одной революціей въ мірѣ. Революція обнажила тотъ психологическій складъ въ народной душѣ, который опредѣляется «простотой», какъ высшимъ критеріемъ цѣнности. Всѣ мы знаемъ этотъ чисто русскій критерій въ примѣненіи къ искусству, къ этикѣ. Съ «простотой» прекрасно вяжется мужицкая республика, возглавляемая Калининымъ, но никакъ не вяжется мистика «помазаннаго» или наслѣдственнаго царя.

Съ другой стороны, династія. Говорить серьезно о монархіи въ Россіи — это значить говорить о реставраціи Романовыхъ. За годы революціонныхъ войнъ ни одно имя не завладѣло настолько народнымъ воображеніемъ, чтобы на немъ можно было основать надежды новой династіи. Только Ульяновъ могъ бы, если бы хотѣлъ, начать новую династію въ Россіи. Безличность революціонной эпопеи, отсутствіе кандидатовъ въ русскіе Наполеоны связаны именно съ этой стихіей «простоты», которая раскрывается въ русской революціи. Ни одинъ герой не выдержалъ бы мужицкой усмѣшки. Ни одинъ красный командиръ не посмѣлъ разрядиться, какъ Муусолина, въ золото и пѣтушиныя перья. Русская революція органически не способна дать Наполеона. Остаются Бурбоны.

Но Бурбоны — т. е. Романовы — это уже не безразличная политическая форма. Это имя — можно утверждать

съ полной опредѣленностью — ненавистно огромному большинству русскаго народа. Два послѣднихъ царствованія крѣпко связали династію съ дворянствомъ и сословнымъ строемъ. Вся ненавистная народу классовая пирамида опиралась въ эту верхушку. Народъ, который вѣками старался отдѣлить цари отъ боярства, пересталъ дѣлать это различіе. Не республиканская ненависть къ «тирану», а мужицкая ненависть къ барину дѣлаетъ невозможнымъ для него возвращеніе «перваго дворянина» на тронъ.

Народъ столѣтіями лелѣялъ царскую легенду, въ жертву которой были принесены гекатомбы русской интеллигенціи. Теперь выросло поколѣніе, воспитанное уже не другой, анти-царской легендѣ. При полномъ отсутствіи историческаго образованія, современный юноша плохо отличаетъ вѣкъ Ивана Грознаго отъ времени Николая II. Онъ искренне убѣжденъ, что рубить головы собственной рукой составляло ежедневное развлеченіе русскихъ самодержцевъ. Съ эпохой Романовыхъ связались всѣ темныя, жестокія воспоминанія русскаго прошлаго. Никто изъ молодого поколѣнія не допускаетъ, чтобы въ Россіи при царяхъ было легче или лучше жить. Народъ — и старики и молодежь — не хотятъ Романовыхъ, потому что не хотятъ возвращенія стараго. Старая династія — символъ реставраціи.

И это уже не просто предразсудокъ, воспитанный новой, анти-исторической легендой. Это здоровая, реальная оцѣнка дѣйствительности.

Съ чѣмъ бы могли явиться Романовы въ Россію? на кого опереться? Допустимъ, что будущій императоръ не лишень сознанія потребностей эпохи, что онъ лично думаетъ не о реставраціи, а о примиреніи раздѣленныхъ революціей классовъ. Но при непопулярности монархической идеи, онъ вынужденъ будетъ окружить себя старыми слугами, доказавшими свою вѣрность былымъ самодержцамъ. Возвращеніе монарха означаетъ прежде всего возвращеніе монархистовъ. И не новыхъ, покаявшихся поклонниковъ свободы и права, а стопроцентныхъ, не измѣнившихъ бѣлому — вѣриѣ, черному — знамени. Худшія традиціи Александра III и Николая II, которыя лелѣются въ этой средѣ, будутъ вынесены на свѣтъ Божій изъ подполья эмиграціи. И царь волей или неволей долженъ будетъ имъ покориться. Дворянская социальная реставрація будетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ реставраціи полити-

ческой. Только древняя монархія, сильная неистраченнымъ авторитетомъ, можетъ вести политику социальныхъ реформъ, можетъ опираться на демократію. Послѣдыши обречены жить и умереть со своимъ классомъ. Краткіе годы реставраціи, доставшіеся имъ чудомъ или иностранными штыками, они употребятъ для подготовки новой революціи — хотя бы для нея пришлось преодолѣть ту силу политической инерціи, которой до сихъ поръ не удается пробить Сталину.

Младороссы — политическіе мечтатели, исходящіе изъ вѣры въ славянофильскій монархическій идеалъ русскаго народа. Не они, и не Струве, а Марковъ II будетъ править Россіей именовъ царя. Эта перспектива, въ связи съ вѣковой анти-культурной традиціей Романовыхъ, не сулитъ особенныхъ благъ ни Эмитажу, ни русской интеллигенціи. На пенсіи могутъ рассчитывать лишь сановныя жертвы революціи, а изъ поэтовъ — норове Демьяны Бѣдные.

Такъ монархія изъ нейтральной политической формы становится — какъ монархія Романовыхъ — огромной политической опасностью для Россіи.

Все, что дѣлаетъ монархію невозможной, укрѣпляетъ республику. Республика существуетъ. Это составляетъ ея огромное преимущество въ странѣ, взволнованной социальнoй борьбой, но лишенной политическихъ страстей. Республика не требуетъ ломки въ народномъ сознаниіи. Съ ней молодежь, не знавшая другого строя. За нее духъ простоты, владѣющій нынѣ народной душой. Духъ трезвости, расчетливости, хозяйственности, съ одной стороны, духъ эгалитарности съ другою — все, что составляетъ моральную атмосферу новой Россіи — говоритъ за республику. И это даже при отсутствіи настоящаго республиканскаго павоса. Въ комплексѣ идей и символовъ русской революціи, чисто политическая идея играла второстепенную роль. Марксизмъ не могъ создать никакой идеологической порфиры для народовѣстія. Онъ самъ подрывалъ его мистику, борясь съ идеей народной воли.

Эта духовная провѣха можетъ оказаться опасной въ другомъ поколѣніи, болѣе чуткомъ къ духовнымъ основамъ жизни и болѣе воспримчивомъ къ политической мечтѣ. Рационалистическая концепція республици, какъ удобнѣйшей формы демократіи, дѣлаетъ ее идеологически слабой въ столкновениіи съ мистикой монархической-власти. Но рационализмъ не связанъ съ республикой, какъ

мистика — съ монархіей. Погружаясь въ историческую традицію, создавая духовныя основы демократіи, будущія поколѣнія могутъ найти для народовластія религиозное освѣщеніе — въ Библии, въ русскомъ прошломъ. Отработанный, изжитый въ Европѣ паѳосъ Contrat social долженъ быть замѣненъ паѳосомъ соборности Божьей воли, которая говоритъ въ исторіи столь же гласомъ народа, какъ и устами царей. Историческое воспитаніе должно фиксировать вниманіе на героическихъ республиканскихъ идеалахъ Греціи и Рима, на гвельфскихъ средневѣковыхъ идеалахъ демократіи (Флоренція), на православномъ народоправствѣ Новгорода. Тогда республика сдѣлается не пустой формой, не меньшимъ зломъ, а положительнымъ идеаломъ, освобожденнымъ отъ пошлаго утилитаризма, несущимъ въ себѣ всю полноту цвѣтенія національной религиозной культуры.

3.

.....

4. Традиція и революція.

Возрожденіе Россіи зависитъ отъ того, удастся ли преодолѣть глубокой расколъ въ народномъ сознаниі, образованный доктриной и фактомъ революціи. Новое сознаніе должно воспринять и слить въ себѣ все жизненное и цѣнное въ старой и новой идеѣ Россіи. Это задача нынѣ живущаго и вступающаго въ жизнь поколѣнія. Это задача первой національной русской власти.

Но не будемъ обольщать себя иллюзіей. Страна, пережившая революцію и отъ нея ведущая свое новое бытіе, не можетъ долго (или никогда) обрѣсти утраченное единство. Старая жизнь не умираетъ совершенно, ибо живетъ вѣчно въ памятникахъ національной культуры. Печать художественнаго благородства, лежащая на этой культурѣ, великодушная патина времени преображаетъ и стираетъ зло въ «вѣчное золото» легенды. Легенда убитой красоты и правды сопровождаетъ новую жизнь, вышедшую изъ революціи, потускнѣвшей, опошленной самымъ фактомъ побѣды. Побѣда, какъ извѣстно — самое трудное испытаніе

для идеи. Противорѣчія, которыя вскрыетъ въ себѣ новая дѣйствительность, отвращеніе, даже ненависть, которыя она (какъ всякая дѣйствительность) будетъ раждать въ самыхъ чуткихъ, въ самыхъ нервныхъ современникахъ, обезпечиваетъ возрожденіе не только утопизма революціоннаго, но и утопизма реакціонно-романтическаго. Послѣдній преимущественно соблазнительнъ для носителей высшей культуры, влюбленныхъ въ прошлое. Завоеваніе реакціей самыхъ отвѣтственныхъ духовныхъ постовъ націи — обычный удѣлъ общества, вышедшаго изъ революціи. Такова судьба Франціи. Вотъ уже полтора вѣка продолжается тяжба вокругъ «Великой» революціи. За малыми реставраціями и революціями 19 вѣка надо вглядѣться въ борьбу идей, доселѣ безнадежно раздѣляющихъ Францію. Два враждующихъ стана опредѣляютъ сами себя именами, которыя стоятъ въ заголовкѣ этой главы. «Традиція» и «революція» — традиція, которая революціонизируетъ, революція, которая охраняетъ, — нынѣ, какъ 100 лѣтъ тому назадъ, ведутъ смертельную войну за душу Франціи. Точнѣе было бы говорить о двухъ традиціяхъ: традиціи революціи и традиціи реакціи. И въ нашъ историческій часъ на вѣсахъ духа перевѣсъ, несомнѣнно, склоняется на чашку послѣдней традиціи.

Это духовное междоусобіе, которое въ каждомъ поколѣніи готово вспыхнуть новой гражданской войной, подтачиваетъ силы націи. вмѣсто плодотворной борьбы идей, воздвигаются непроницаемыя перегородки между ними, со спертымъ воздухомъ внутри, съ культомъ окостенѣлыхъ предрасудковъ. Грозитъ ли Россіи та же судьба?

Старая Россія оказалась менѣе живуча, нежели старая Франція. Соціальныя корни дворянства подрывались какъ будто навсегда. Тургеневская усадьба едва ли когда-нибудь воскреснетъ. Но не истребима живая память о блескѣ величія и славѣ. Не умретъ Пушкинъ, а съ нимъ очарованіе Александровской и Екатерининской эпохи. Надо надѣяться, останутся дворцы Петергофа, Царскаго Села, краснорѣчивые, но и лживые свидѣтели императорской славы. И для нея настанетъ время реабилитаціи.

На фонѣ слишкомъ простой и дѣловой жизни, грубо-ватой повседневнои, техническихъ достижений — утопическая имперія съ каждымъ годомъ будетъ подниматься со дна царскосельскихъ озеръ. Въ этотъ императорскій Китежъ будутъ жадно глядѣться тысячи юношей, мечт-

ющих о небывалой России. Одни ли малокровные потомки старых родов, для которых фамильная история сплетена неразрывно с историей России? Но Борисовъ-Мусатовъ былъ сыномъ полупролетарія. Уже теперь можно изрѣдка встрѣтить на фабрикахъ и въ деревняхъ романтиковъ прошлаго, дѣвушекъ, которыя за чтеніемъ Пушкина и Толстого ощущаютъ себя не крѣпостной рабой, а Татьяной, Наташей, Китти. 19 вѣкъ еще не такъ опасенъ для республики. Но 18 можетъ ее убить. Что же сказать о 17? Старая славянофильская легенда о народномъ нарѣ можетъ воскреснуть съ возрожденіемъ церковности и романтикой православнаго быта. Конечно, реализація этой мечты быстро убьетъ ее. Но въ ожиданіи республика будетъ страдать тѣмъ органическимъ порокомъ, который пока обезпечиваетъ ея стойкость въ нашемъ поколѣніи: она существуетъ. Это дѣлаетъ ее почти безоружной передъ призракомъ. Вотъ почему борьба между революціей и традиціей неизбежна — борьба серьезная, жесткая, длительная. Она можетъ стать главнымъ духовнымъ содержаніемъ русскаго 20 столѣтія. Если эта борьба не будетъ выражаться въ заговоры и полицейскій терроръ, она можетъ оплодотворить русскую мысль и культуру. Подготовить и углубить грядущій народный синтезъ.

Что можетъ революція противопоставить призраку своего врага? Я говорю не о жизненныхъ удобствахъ, о практической годности режима, но о его идеологическомъ освященіи, о его культурномъ помазаніи.

На первый взглядъ, очень немногое. Революція слишкомъ юное и не очень талантливое дитя старой Россіи. Вкладъ революціонной идеи въ великую русскую культуру мало замѣтенъ. Не остается ничего отъ народниковъ 60 и 70-хъ годовъ, отъ демократическихъ передвижниковъ. Въ сущности, адвокатами революціи будутъ только Герценъ и Некрасовъ. Быть можетъ, еще Глѣбъ Успенскій. Традиція будетъ опираться на Гоголя, Достоевскаго, Лесотьева. Разумѣется, не безъ натяжекъ. Но все же остается фактомъ, что самые мощные умы 19 вѣка прошли мимо революціонной эпопеи интеллигенціи. И революція не построила своихъ дворцовъ. На какомъ же языкѣ она будетъ говорить грядущимъ поколѣніямъ?

Революціонная эпопея должна говорить сама за себя, въ оголенности своего нравственнаго подвига. При всеї культурной бѣдности революціоннаго стана, онъ одинъ

хранилъ въ упадочной Россіи 19 вѣка духъ героическаго подвижничества. Зрѣлище этой неравной борьбы, революціонный Плутархъ, революціонные святцы — долго будутъ воспитывать общественно-патріотическое сознание русскаго юношества: конечно, при условіи абстракціи отъ содержанія революціонныхъ доктринъ, стоявшихъ въ кричащемъ противорѣчій съ мученическимъ подвигомъ и идеаломъ. Наша великолѣпная реакція — даже въ Достоевскомъ и Леонтьевѣ — всегда несла въ себѣ разлагающее зерно моральнаго порока. Въ борьбѣ съ побѣдоносной революціей, она представляла партію декаданса противъ моральной чистоты и противъ жизненнаго христіанства. Имморализмъ реакціонной «традиціи» 19 и 20 вѣка обезцѣливаетъ ея воспитательное значеніе для будущей Россіи.

Но революція не только святцы декабристовъ и народолюбцевъ. Революція это также безуміе и злодѣйство большевиковъ. Изъ пѣсни слова не выкинешь; Россіи, какъ и Франціи, придется принять или отвергнуть революцію цѣликомъ.

Сейчасъ, въ разгарѣ борьбы, можно и должно противопологать февраль октябрю. Для будущаго это противоположеніе бессмысленно. Французскій радикаль уже не судитъ тяжбу жирондистовъ и монтаньяровъ. Споръ Робеспьера съ Дантономъ интересуетъ лишь узкій кругъ историковъ. Такъ и будущая Россія будетъ стоять на распутии между Ленинымъ и царемъ.

Въ свѣтѣ большевизма въ русской революціонной традиціи вскрылись глубокія противорѣчія: Герценъ и Бакунинъ, Лавровъ и Нечаевъ, народники и марксисты. Начавъ политическую чистку, нельзя нигдѣ остановиться. Даже въ Герценѣ, даже въ Лавровѣ можно разглядѣть большевистскую гримасу. Какъ русская монархія влачить на своихъ плечахъ опричнину, бироновщину и позоръ послѣдняго царствованія, такъ революція не сможетъ сбросить бремени Нечаева и Ленина. Это время морально чрезвычайно отяготительно. Но романтика революціи всегда будетъ уравнивать романтику старинныхъ усадебъ. Злодѣяства нашей эпохи будутъ восприниматься такъ, какъ они должны восприниматься: какъ историческая трагедія, героемъ которой является народъ. Злодѣяннѣмъ нѣтъ мѣста въ житіяхъ святыхъ, но безъ нихъ не мыслимъ Плутархъ, не мыслимъ Шекспиръ. Если для моральнаго чувст-

ва народовольцы могут оправдать русскую революцию, то для исторического воображения ее реабилитация дана лишь красной эпопеей ее победы.

Но и съ праведностью народовольцевъ и съ кровавымъ заревомъ Октября, революціи, т. е. ее идеѣ трудно уравновѣсить традицію, понятую, какъ консервативную идею всей тысячелѣтней исторіи Россіи. Столѣтіе — противъ тысячелѣтія всегда осуждено, какъ дерзкій бунтъ, беспочвенный и бесполезный.

Революція должна расширить свое содержаніе, вобрать въ себя максимумъ цѣнностей, созданныхъ національной исторіей, чтобы выдержать длительное состязаніе съ традиціей. Споръ идетъ о томъ, какая идея окажется болѣе емкой, болѣе гибкой, чтобы охватить національное содержаніе русской культуры. Подобно двумъ божественнымъ началамъ манихейской космогоніи, борьба двухъ идей состоитъ не столько въ отраженіи, въ исключеніи, въ истребленіи вражескихъ цѣнностей, сколько въ ихъ захватѣ, плѣненіи, ассимиляціи. Если для монархиста дѣло идетъ о томъ, чтобы надѣть на революціонера императорскую ливрею, сдѣлать изъ революціи побочный продуктъ имперской культуры, то для революціи важно наложить свою печать на самую монархію, отмѣтить революціоннымъ помазаніемъ все творческое въ наслѣдіи царей. Предстоитъ длительная борьба за тѣло Патрокла. Русская интеллигенція всегда притязала на революціонное осмысленіе дѣла Петра. Не трудно отвоевать для нея, — т. е. для идеи просвѣщенія — 18 вѣкъ, «дней Александровыхъ прекрасное начало». Остальное, т. е. сумерки имперіи (и здѣсь еще предметомъ спора можетъ быть «эпоха великихъ реформъ») можно предоставить врагу. Нужно выбирать между Николаемъ I и Герценомъ, между Александромъ II и Народной Волей.

Для революціи гораздо существеннѣе продвинуть свои рубежи вглубь прошлаго, освободить русскую традицію отъ оковъ Карамзинской монархической схемы. Национальный капонъ, установленный въ 19 вѣкѣ, явно себя исчерпалъ. Его эвристическая и конструктивная цѣнность ничтожны. Онъ давно уже звучитъ фальшью, и трудъ русской исторической науки подорвалъ, искрошилъ старую национальную схему. Новой, революціонной схемы не создано. Матеріалы для нея — груды камней — собраны полколѣніями русскихъ историковъ. Но нѣтъ архитектора,

нѣтъ плана, нѣтъ идеи. Революціонная мысль, въ плѣну у скудныхъ либерально-матеріалистическихъ идей, не имѣла вкуса къ древней Россіи, молчаливо уступая ее, какъ безобразную руину, своимъ врагамъ. Исключенія — Костомаровъ, Щаповъ — были рѣдки. А между тѣмъ задача новаго свободнаго построенія государства Россійскаго, въ которомъ пришлось бы нѣсколько потѣсниться московскому двухвѣковому царству, чтобы дать больше мѣста и простора пятивѣковой феодально-вѣчевой Руси, — эта задача диктуется и органическимъ ростомъ исторической науки и самой исторіей Россіи. Вполнѣ мыслима новая національная схема, которая оказалась бы менѣ тенденціозной, менѣ узкой, нежели схема Карамзинская, и въ которую фактъ русской революціи вошелъ бы не какъ непредвидѣнная катастрофа, а какъ отрицаніе отрицанія, возстановляющее древнюю правду.

Ясно, что для этого предстоитъ полное перерожденіе доктринальнаго наслѣдія революціи, ибо завѣщанныя ея героями доктрины не годятся ни на какое національное строительство. Однако, націонализація революціи—фактъ уже совершившійся въ нѣдрахъ Россіи. Необходимые идейные выводы изъ него будутъ сдѣланы, вѣроятно, не скоро, но они должны быть сдѣланы. Русское прошлое, русская культура откроются лишь для того, у кого есть глаза на духовныя основы этой культуры, этого національнаго прошлаго. Эта культура, это прошлое — плоть и цвѣтеніе христіанства. Безъ внутренняго приобщенія христіанству невозможно никакое истолкованіе русской національной идеи. Безъ этого крещенія революціонная идея можетъ одерживать еще интернаціональныя побѣды, но она будетъ всегда бита «традиціей» на полѣ національнаго матча. И это пораженіе означаетъ, рано или поздно, гибель революціи и ея идеи. Безсильный, не существующій сегодня, ея противникъ будетъ крѣпнуть съ каждымъ новымъ успѣхомъ національнаго сознанія. Лишь христіанизація вольнолюбиваго и демократическаго идеала спасаетъ его національную цѣнность, какъ примиреніе съ Церковью дѣлаетъ прочными и даже незыблемыми основанія новаго республиканскаго строя.

Г. Федотовъ.